

СЛОВАРЬ Г. КНАПСКОГО В РОССИИ

(Библиографические разыскания)

Имя польского лексикографа Григория Кнапского (1564—1639) в истории русской переводной лексикографии никак не отмечено,¹ между тем бытование его словарей в России интересно не только для истории техники лексикографической работы, но и для истории польско-русских литературных связей в целом.

Хотя перу Г. Кнапского принадлежат и другие литературные труды (три трагедии на латыни), в историю польской филологии он вошел прежде всего как автор вышедшего в трех томах словаря «*Thesaurus polono-latino-graecus*»: в 1621 г. вышел польско-латинский словарь, в 1626-м — латинско-польский, а в 1632-м — третий том, в котором Кнапский собрал польские пословицы («*Adagia polonica selecta*»). Вплоть до начала XIX в., т е до выхода «Словаря польского языка» С Б Линде, словарь Кнапского оставался лучшим словарем польского языка. Он выдержал множество переизданий: так, до 1793 г польско-латинская часть выдержала 35 изданий, латинско-польская — 15 изданий до 1780 г., а сокращенное издание сборника пословиц («*Idiotismi polonici*») — 19 изданий до 1766 г.² С середины XVII в. стали появляться сокращенные и переработанные издания словаря, он прочно вошел в школьную практику и стал незаменимым пособием как при обучении польскому языку, так и при переводе с латинского на польский. Именно из польских училищ он попал в Киево-Могилянскую коллегию, а уже ее выученики привезли словарь Кнапского в Москву.

В редкой библиотеке русских гуманитариев второй половины XVII—первой четверти XVIII в. не было одного или нескольких томов словаря польского лексикографа. В описи библиотеки Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева значатся «Книга Кнапиуш, на два языка», «Книга Адагия, на трех языках», «Книга Кнапия, том второй», «Книга Лексикон Григория Кнапи, латинская», «Книга Лексикон Григория Кнапи, полонолатинская».³ Словарь был также в библиотеках митро-

¹ См *Цейтлин Р М* Краткий очерк истории русской лексикографии М, 1958 С 15—17, *Якимович Ю К* Очерки истории переводной лексикографии в России // Переводная и учебная лексикография М, 1979 С 149—175

² См *Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut» Piśmiennictwo staropolskie Warszawa, 1964 Т 2 S 328—329*

³ См *Временник ОИДР М, 1863 Кн 16, отд 3 С 58, 59* Вероятно, запись «Книга глаголемая Скарб, на полском языке» (там же С 58) также подразумевает словарь Кнапского (*skarb* — сокровище, т е *thesaurus*) Здесь и далее данные описей или записей на книгах цитируются без исправлений, ошибки и опiski не оговариваются

полита сарского и подонского Павла («Книга Синонима полонотинская, стар, неполна, 2 алтына (...) Книга Кнапиуш, полская»),⁴ Евфимия Чудовского («К(нига) печатная, Лексикон польско-латино-грецкой Григория Кнапия том 1-й, в досках () Того ж Григория Кнапия том 2-й в полдесть латинополский лексикон»),⁵ Димитрия Ростовского («Кнапеуш Другий Кнапеуш»),⁶ Федора Поликарпова («Кнапиуш латинополский»),⁷ Феофана Прокоповича («Георгии Кнапии Тезаврус полоно-лятино-грекус»),⁸ Феофилакта Лопатинского («Тезаврус латинополский латинский греческий»),⁹ Лаврентия Горки («Сокровище или подобоимения Георгия Кнапия»),¹⁰ игумена Варфоломея Филевского (три тома).¹¹ Словарь был распространен и у людей светского образования: у А. А. Винуса был том с пословицами («Adagioium polonicorum Tom 3. Scasoviae 1632»),¹² все три тома — у А. А. Матвеева,¹³ второй том — у В. Н. Татищева («Sparii Thesaurus latino-polonicus, tom 2 Scasau, 1648»)¹⁴ Вероятно, благодаря Татищеву в библиотеку екатеринбургской горной школы попал словарь Кнапского, который значится в ее описи 1788 г. («Кнапий Лексикон на полском, латинском, греческом языках»)¹⁵

Безусловно, сохранившийся экземпляр говорит много больше библиографической записи. На принадлежавшем Феофилактору Лопатинскому польско-латинском томе (Краков, 1621 — БРАН, инв. 1172л) кроме польской владельческой записи 1626 г. и записи «Ex cathedrali bibliotheca Tferensis episcopi» на титульном листе выцветшая запись: «Зенов Иванов», а на первых листах книги две записи-скрепы: «Лета 7207 [1698] ноября в день сия книга богоспасаемого града Танбова дому боголепного Преображения Господня преосвященного Игнатия

⁴ См. Временник ОИДР 1850 Кн 5, отд 3 С 66, 69

⁵ См. Летописи русской литературы и древностей М., 1863 Кн 5, отд 3 С 52

⁶ См. Шляпки И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.) СПб., 1891 Приложения, с 58

⁷ См. РГИА, ф 796, оп 3, № 1217, л 68

⁸ См. Верховский П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент Материалы Ростов-на-Дону, 1916 Т 2 С 43 Ср. Феофан Прокопович Философски твори Кив., 1981 Т 3 С 378

⁹ См. РГИА, ф 796, оп 20, № 576, л 143 об

¹⁰ См. Там же, л 92 об

¹¹ См. Там же, л 189

¹² См. ААН, ф 158, оп 1, № 212, л 6 Экземпляр сохранился — БРАН, шифр ХХІХ/6 21861, записи «Книга Андрея Винуяса цена 2 рубли с полтиною», «Кнапиуш на 3 языках», «Книга Андрея Винуяса»

¹³ См. Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728) Каталог М., 1985 С 116—117 (№ 502—504)

¹⁴ См. Астраханский В. С. Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры Новые открытия Ежегодник 1980 М., 1981 С 33

¹⁵ См. Ситников Л. А. Западноевропейская книга в Сибири во второй половине XVIII в. // Книга в Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1980 Приложение 1, № 159 (таблицы без пагинации после с 98)

епископа танбовского домовая казенная»; «Та ксенга Семена Корсака дарована Василью Азанчееву». На последней странице — дата славянскими буквами «Лета 7172 [1664]-го», т. е. с 1660-х гг книга уже была в России и сменила нескольких владельцев, прежде чем попала к Феофилакту Лопатинскому. Ему же принадлежало еще два экземпляра: сокращенная переработка «Synonyma seu Dictionarium polono-latinum.» (Калиш, 1698 — БРАН, инв. 38л) с записью «Ex cathedrali bibliotheca episcopi Tferensis» и записью-скрепой на первых листах «Сия книга глаголема синонема Иоанна Соколовскаго харьковской академеи, а купил за десять алтын»; латинско-польский том (Краков, 1693 — БРАН, инв. 763л) с пометой «Ex cathedrali bibliotheca Tferensis episcopi».

Два тома латинско-польского словаря попали на русский Север. Оба принадлежали Афанасию Холмогорскому. Один из них (Краков, 1691 — БРАН, шифр: 14799о/27168q) до Афанасия принадлежал студенту московской Славяно-греко-латинской академии, а второй (Познань, 1698 — БРАН, 9743q/27272R) — будущему деятелю духовного просвещения в Иркутске Иннокентию Кульчицкому (запись: «Ex libris Inocentij Kolczuski manu progia»).

Обилие словарей Кнапского, особенно латинско-польского тома, в русских библиотеках рубежа XVII—XVIII вв объясняется просто. Для обучения латыни в новосозданных учебных заведениях и для многочисленных переводов с латыни словарь необходим, и при отсутствии общеупотребительного латинско-русского словаря его роль с успехом выполнял словарь Кнапского, благо для большей части русских гуманитариев польский язык был языком культурного обихода. О популярности словаря говорят и то обстоятельство, что в описях библиотек он зачастую именуется просто «Кнапиуш» (а это вовсе не первое слово на титульном листе). Таким же понятным сокращением названия словаря до имени составителя со второй половины XVIII в. станет «Целлярий».¹⁶

Арсений Могилянский, впоследствии известный придворный проповедник императрицы Елизаветы Петровны, будучи учителем Тверской семинарии, в 1740 г. рекомендовал своим ученикам словарь Кнапского для лучшего изучения латыни;¹⁷ а преподаватель поэтики ярославской семинарии в 1757 г., рассуждая о необходимости большого запаса слов для амплификации, советовал накапливать его «частым и прилежным чтением Кнапского, его словаря, который у тебя в руках»¹⁸

¹⁶ См. Keipert H Cellarius in Russland // Russian Linguistics 1987 Vol 11 P 297—317

¹⁷ См. Колосов В И История Тверской духовной семинарии Тверь, 1889 С 50

¹⁸ Цит по Lewin P Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w (1722—1774) a tradycje polskie Wrocław, 1972 S 155

Феофан Прокопович, как известно, весьма критически относился к польскому ораторскому искусству, в частности к макароническому языку польских проповедей, насыщенных отдельными латинскими словами и выражениями. Язык этих проповедей, по мнению Феофана, нельзя назвать ни польским, ни латинским. И в подтверждение своего мнения о языковом пуризме Феофан сочувственно цитирует предисловие Кнапского («ученейшего мужа») к первому тому словаря, в котором польский лексикограф обрушивается на макаронические речи своих земляков, которых «не смог бы понять ни поляк, ни латинянин»¹⁹

К словарю Кнапского обращался и такой тонкий филолог, как Тредиаковский. Рассматривая в «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (1757) слово «Гиспания», он утверждал, что «оно повреждено с славенского, и есть Выспания, как-будто полуостровная Речь Выспа на славенопольском значит полуостров, кой с трех сторон окружен водами, а с четвертая соединен с твердою землею. Однако, значит сие слово и целый остров»²⁰. К слову «выспа» Тредиаковский дал отсылку на «Сокровищницу» «иезуита Кнапия», однако ни здесь, ни в других местах словарь Кнапского не давал повода для фантастических этимологий Тредиаковского²¹.

Довольно рано словарь Кнапского стал одним из источников собственно восточнославянской лексикографии. Первый фундаментальный латинско-славянский словарь был составлен Епифанием Славинецким в 1642 г. «Лексикон латинский з Калепина преложенный на славенский лета от создания мира 7150»²². Подыскивая славянские соответствия для латинских слов словаря знаменитого итальянского лексикографа эпохи Возрождения Амвросия Калепина (1435—1511), Епифаний в сложных случаях (особенно для ботанической и зоологической номенклатуры) находил нужное слово в латинско-польском словаре Кнапского и переводил польское толкование на

¹⁹ См. *Feofan Prokopovič De arte rhetorica libri X Kijoviae 1706* / Hrsg von R. Lachmann Bohlau, 1982 S. 209—210. *Феофан Прокопович* Философські твори Київ, 1979 Т. 1 С. 245—246. Ср. *Łuzny R. Teofan Prokopowicz a literatura polska // Slavia Orientalis* 1965 N 3 S. 342—344.

²⁰ См. *Тредиаковский В. К.* Сочинения СПб., 1849 Т. 3 С. 357.

²¹ См. Там же С. 458, 515.

²² См. *Погорелов В.* Латино-славянский словарь XVII в. // *Русский филологический вестник* 1904 № 1—2 С. 337—340. *Н. П.* О списках латинского словаря А. Калепина с русским переводом // *Лит. вестник* 1904 Т. 8 С. 127—129. *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською Київ, 1980 С. 218—246. *Birgegård U.* Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum His contribution to 17th century slavonic lexicography Uppsala, 1985 P. 105—113. См. издание словарей Епифания Славинецкого. *Лексикон латинський Є Славинецького*. *Лексикон словено-латинський Є Славинецького* та *А. Корецького-Сатановського* / Підготував до видання В. В. Німчук Київ, 1973.

славянский²³ В 1650 г., уже после переезда в Москву, Епифаний вместе с Арсением Корецким-Сатановским составил новую редакцию словаря, а вместе они подготовили «Лексикон словенолатинский, трудолюбием иноков Арсения и Епифания в богоспасаемом граде Москве составлен». Основу церковнославянского словника составители заимствовали из «Лексикона» П Берынды, но также был использован и словарь Кнапского, его польско-латинская часть: для польского слова подыскивалось «словенское» соответствие и добавлялось латинское слово из Кнапского²⁴ В 1659 г на основе этого словаря П Т Семенников (именно он в 1649 г привез из Киева Епифания и других «киевских старцев») попытался составить славяно-латинско-польский словарь Польскую часть он взял из словаря Кнапского²⁵

В 1670 г в Москве был составлен «Лексикон языков полскаго и славенскаго скорога ради изобретения и уразумения, бывающыя в неведомых вещех и неискусства языков», насчитывающий более 15 тысяч слов и сохранившийся в двух списках²⁶ Составитель словаря, а им был Симеон Полоцкий,²⁷ для польской части своего труда использовал пер-

²³ См *Німчук В В* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською С 235

²⁴ См Там же С 249

²⁵ См *Сперанский М Н* Один из источников «Трязычного лексикона» Федора Поликарпова — рукописный белорусско-латинско-польский словарь XVII в // *Сперанский М Н* Из истории русско-славянских литературных связей М, 1960 С 198—210, *Kochman S* Przyczynek do dziejów leksykografii gosijskiej (Słownik XVII w — Siemionnikowa) // *Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej w Opolu Filologia gosijska*, t 2 Opole, 1963 S 121—146 В жизни книжной Москвы Семенников до конца жизни играл заметную роль, а после его кончины в 1695 г ему написал эпитафию Карион Истоминон — См *Перетц В Н* Московский книгоич XVII в // *Лит вестник* 1901 Т 1, кн 4 С 430—431, *Харламович К В П Т* Семенников-Зеркальников // Там же Кн 7 С 221—225, *Памятники литературы Древней Руси XVII век* Кн 3 М, 1994 С 258

²⁶ См РГАДА, ф 381, № 1792, ГИМ, Чудовское собр., № 366 Библиотека Московской синодальной типографии Ч 1 Рукописи, вып 2 Сборники и лексиконы / Описал В Погорелов М, 1899 С 100—106, *Witkowski W* Dwa rękopiśmienne słowniki polsko-cerkiewno-ruskie z XVII w // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego Prace językoznawcze*, zeszyt 4 Kraków, 1961 S 217—225, *Лидиакин М*, *Стрекалова З Н* Из истории русской лексикографии («Лексикон полонославенский» 1670 г) // *Славянское источниковедение* Сб статей и материалов М, 1965 С 124—131, *Смольников Л Н* «Лексикон полоно-словенский 1670 г» как источник по русской исторической лексикологии // *Питання східнослов'янської лексикографії XI—XVII ст* Київ, 1979 С 47—50, *Birgegård U* Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum P 145—148, *Бахмурина Р В* Два польско-русских рукописных словаря XVII в // *История русского языка и лингвистическое источниковедение* М, 1987 С 29—37

²⁷ См *Перетц В Н* Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии Третья серия Пг, 1915 С 36, *Мыльников А С* Международные культурные связи России конца XVII—начала XIX в как фактор книгораспространения // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX в» Тез докладов Л, 1985 С 6

вый том словаря Кнапского, сократив его, а также добавил польские слова, отсутствующие у Кнапского. При переводе с польского на русский Симеон создавал и искусственные русские слова (типичные для лексикографии той поры слова, «рожденные в чернильнице»):²⁸ «мускиеначальник», «ветхолатательное художество», «мылотворец» и т. п.²⁹ Возможно, один из списков этого словаря был в библиотеке проф. Ф. Г. Баузе: «Словарь польского и российского языков, писанный в 1688 году В печати не существует. В лист, № 9»³⁰

У проф. Баузе было несколько рукописных словарей, в том числе «Словарь трех языков: латинского, славено-русского и польского. Весьма полный и с отличным тщанием писанный в половине XVII века, в лист», «Словарь латинского и славянского языков, сочиненный в Ростове в 1701 году Иваном Филиповичем», «Словарь Калепинов на латинском, русском и польском языках, писанный весьма чистым почерком в 1722 году, в печати не существует; в лист»³¹ В другом каталоге библиотеки второй из этих словарей описан с важным добавлением: «.. Иваном Филиповичем из Калепинова и Кнапиева, в печати не существует, в лист».³² Судя по всему, речь идет здесь об одном и том же словаре, появившемся на рубеже веков (датировка первого словаря «половиной XVII века» не вполне убедительна) Действительно, ни у Калепино, ни у Кнапского русской части в словарях не было; сомнительно, чтобы идея объединить эти словари и эти языки в одной последовательности могла спонтанно возникнуть приблизительно в одно время у трех разных людей.

Собрание рукописей проф. Баузе сгорело в Москве в 1812 г., однако, кажется, именно этот тип словаря представлен в собрании Библиотеки Академии наук объемистой рукописью на 778 листах рубежа XVII—XVIII вв.³³ Титульного листа или пояснений в рукописи нет, только текст словаря в три столбца: латинский, славянский и польский. Сличение показывает, что два первых столбца — копия с незначительными разночтениями латинско-русского словаря Епифания Славинецкого, его перевода словаря Калепино. Третий столбец — польские соответствия, взятые из словаря Кнапского Таким образом, сведения каталога собрания проф. Баузе подтверждаются; не исключено, что справедливы и его указания

²⁸ См. *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII в. Л., 1968. С. 49

²⁹ См. *Дидиакин М., Стрекалова З. Н.* Из истории русской лексикографии. С. 131

³⁰ См. *Моисеева Г. Н.* «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 312

³¹ См. Там же. С. 312, 313

³² См. ЧОИДР. 1862. Кн. 2. Смесь, с. 45

³³ БРАН, 16.15.12. Бумага 1690-х гг. (филигрань «двуглавый орел» — см. Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980. № 1022—1695 г.)

о дате составления словаря (1701 г.) и его составителе Иване Филиповиче.³⁴ В рукописи словаря есть две записи. Одна — владельческая: «A. Ribeygo Sanches. St. Peterburg 17²⁵34» Эта запись расшифровывается легко: рукопись принадлежала лейб-медику А. Н. Р Саншесу, который приобрел ее в 1734 г., через три года после приезда в Россию.³⁵ Вторая запись: «Вокабулы Максимовича» (на верхней внутренней крышке переплета) — выводит на сцену новое действующее лицо.

Упомянутый во второй записи «Максимович» — несомненно, Иван Петрович Максимович, племянник митрополита Иоанна Максимовича, известного литератора Петровской эпохи. Он был приближенным к гетману И. Мазепе лицом, после бегства Мазепы оказался вместе с ним в Турции, затем был прощен Петром и с несколькими другими прощенными сторонниками Мазепы оказался в 1714 г. в Москве, где и скончался в 1732 г.³⁶ За годы жизни в Москве Максимович был переводчиком, библиотекарем в библиотеке Московской синодальной типографии и лексикографом. Первым литературным опытом Максимовича стал стихотворный перевод с латыни элегий брюссельского мистика Германа Гуго «Pia desideria» («Желания благоговейные»). В предисловии к латинско-русскому словарю, законченному им в 1724 г., Максимович вспоминал о первом переводе: «Начатое дело еще и соверших, обаче не без трудности, никим же латинославенскаго лексикона подкрепляем помоществованием Тем же за ползу возмнех тоскливое время мое изживати на читании священных книг латинских купно и славенских ради удобнейшаго в сицевых преводах искусства. И не токмо сицевому прилежащ чтению, вся яже внятию моему неудобна вменяхуся, отмечая, но и отмеченная преписовая и по чину алфавита чинопологая, неколико иживих лет, вознамерен бо бех краткое собрание во образ лексикона латинославенскаго собственной ради нужды и ползы своей составить».³⁷

По ходу работы Максимович переменял свое мнение и решил «общенародной возугодити ползе. И предпочитая общее

³⁴ Известно, что у Дмитрия Ростовского был писарь «Иван Филипьев», прибывший с ним в Москву в 1701 г., однако еще в феврале 1701 г., т. е. до отъезда в Ростов, Дмитрий отпустил писаря на Украину — См. *Шляпкин И А* Св. Дмитрий Ростовский и его время С 280

³⁵ О библиотеке Саншеса см. *Хотеев П И* Книга в России в середине XVIII в Частные книжные собрания Л, 1989 С 100—119

³⁶ О его жизни и трудах см. *Пекарский П* Наука и литература в России при Петре Великом СПб, 1862 Т 1 С 191—197; *Слуховский М И* «Каталог универсальный» 1727 г // Археографический ежегодник за 1979 год М, 1981 С 75—85, *Николаев С И* Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ Л, 1985 Т 40 С 385—399 К сожалению, только по завершении этой статьи мне стала известна еще одна работа *Horbatsch O* Ivan Maksymovych, ein verkannter ukrainischer Lexikograph des 18 Jahrhunderts und sein Wörterbuch // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U S 1960 Vol 8 P 95—114

³⁷ БРАН, 32 6 2, л XI—XI об. Далее листы рукописи указываются в тексте

благо паче, неже собственную корысть, уне восхотех послужити благоволеннию всеавгустейшаго императора и рачительство мое явити святейшему синоду, неже себе самому единому в тайных угождати» (л. XIII). Для образца Максимович решил найти хороший латинский словарь, с которым бы он мог «трудолюбийце мое сообразити. Ибо вновь индексы латинских речений сочиняти не точию излишний труд, но и всеуветный вознепщевах быти, занеже толь много лексиконов со избранными своими индексами давно уже везде обретаются. К чесому же убо пристало бы всеуе железо варити и тождества туне возумножати? Аще убо иных многих лексиконов не возмогах имети, имех же в руках моих Григория Кнапиа Фесавр, его же второй том латинополский паче прочих, их же прежде видети возмогах, лексиконов угоден явися сих ради изрядных вин. 1, яко не с единых киихждо речений, но с припряженных и частиц такожде, и с многообразного простых речений преносения и связания сочинен. 2, яко не недовольными фрасиами, паче же единому глаголу начинателному и к предлогом неким приданными понаполнен, из каких мер (яко предрех) может изнаполнити звание лексикона совершеннаго. 3, еже вящшее есть, занеже в индекси своем содержит речений чиноположение, еже никоим образом свойству и производству их причастно есть, но всякое речение по чину алфавита в множайших литерах следующее, на своих си полагает местех, да удобнее и скорее всяк, хотя в сем деле и не искусен, избрести я возможно, что наипаче новоучащихся в учениях их способствует. Сей же чин, иже по началам речений составляется, и при едином речении главном, аки при корене вся его свойственная, производная и сложная сограмаждает, сего ради не полезен есть, яко начала речений не всяк и мерно изучивыйся удобно и верно всегда разпознает, чесо ради о многих и между премудрыми людьми пря бывает. 4, яко ко употреблению и нужди поетической количества просодии стихотворной, известованием стихотворцев утвержденная, речением неудобнейшим приложена у себе имать. 5, яко толкованием неких речений в Библии обретающихся обилует. Сими убо винами преклонен, восприях усердие прилепитися с делом моим к индексу Григория Кнапиа, едино точию чиноположение речений латинских в алфавитной силе по его обычаю содержа, толкованиям же его нимало последуя, яко всякому сей ономастикон чтущему и испытующему яве будет» (л. XIII об. — XIV об.).

Максимович привлек и опыты отечественной лексикографии, в частности он пишет, что «Лексикон блаженных памяти митрополита ростовского Димитриа, его же он с Калепина сочинил, имех вместо указателя.³⁸ Случившаяся же мне в

³⁸ Такой лексикографический труд Димитрия неизвестен, хотя слухи о нем, как видно из слов Максимовича, относятся к началу XVIII в. — Ср. Библиотека московской синодальной типографии Ч 1 — рукописи, вып 2

индексе Кнапиевом речения, их же толку ни в вышереченном лексиконе, ни в нотатах моих обрести возмогах, тым толкование по моему прилагах разсуждению, аще не по славенску, то поне по-руску, якоже речений своих великая или малая Россия употребляет. Да вникнут убо во вся сия ненавистнии чуждаго труда, купно и хвалы охуждатели, иже еще плода ума моего не видяще, но точию слухом слышаще в плодотворении сем труждающася мя, не постыдешася в погаждение мое сия произнести слова: „Что великаго или труднаго есть индекс латинский Кнапиев превести по-руску?“ Аще не трудно, чесо ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша сами? Да видят и прилежно испытуют сей труд мой: еда по разуму Кнапиеву, с полского языка состроенными, или славенскими и российскими самими едиными толковании сей есть изнаполнен?» (л. XV об.—XVI).³⁹

Подчеркивая как свою зависимость от Кнапского, так и свою самостоятельность в лексикографической обработке материала, Максимович не преминул заметить, что обратился к польскому словарю по необходимости: «Да не хвалится же тщеславием мира сего самохвалитися (да тако рещи) род иезуитов люботщательнейший, заеже от сонмища их Григория Кнапия индексу случися мне возследовати» (л. XVI об.). Далее в предисловии Максимович подробно разбирает принципы обозначения в словаре долготы и краткости гласных и орфографию Кнапского. Завершает же обширное предисловие самоуничижительное и вместе с тем оптимистическое обращение к читателю: «Егда сей труд мой святейший Синод за благо разсудит тиснению предати, аще что тебе, доброхотный читателю, в сем ономастиконе латинославенороссийском неключимое или несогласующее собству толковому либо странное коим-либо образом покажется, Бога ради, вземлющаго грехи мира, первому сему изданию прости благосозиvoli. Не по мнозе времени не точию исправнейших, прибыточнейших и яснейших изданий ожидающ, но и разных на различных языках фесавров всесовершенных в всепресветлейшем сем всероссийском империи видети надеющийся» (л. XXI—XXI об.).

В отношении судьбы своего труда Максимович обманулся: словарь, поднесенный составителем Екатерине I во время ее коронации в 1724 г., издан не был. Максимович, вероятно, надеялся на содействие Феофана Прокоповича, который в

Сборники и лексиконы С. IV Скорее всего, речь идет о словаре Епифания Славинецкого, к которому добавлена польская часть, т. е. словаре, представленном в рукописи БРАН, 16 15 12

³⁹ Мотив защиты своего труда от критики недоброхотов развивается как раз в эпоху Петра I. Это относится и к словарной работе, как видно из эпиграммы против критиков в словаре Ф. Поликарпова — См. *Николаев С. И.* «Зоил в российских градах» (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век СПб, 1991 Сб 17 С 17—27

1722 г. познакомился со словарем и ободрил автора. Более того, есть основания полагать, что именно с лексикографическим трудом Максимовича связана эпитаграмма Феофана «К сложению лексиков». ⁴⁰ Тем не менее до издания дело не дошло, не распространялся словарь и в рукописном виде, известен еще всего один список. ⁴¹ Не исключено, что именно словарь Максимовича был у Стефана Яворского, в описи его библиотеки значится «Sparius manuscriptus» (в другом списке: «Sparius latino-rutenicus scriptus»). ⁴²

На верхней внутренней крышке переплета подносного экземпляра словаря Максимовича запись «Иоанна Максимовича», сделанная тем же почерком, что и «Вокабулы Максимовича» в упоминавшейся рукописи того же собрания 16.15.12. Обе записи сделаны еще в XVIII в., вероятно библиотекарем. Первая из них вопросов не вызывает, смысл второй неясен: Максимович явно не был составителем словаря, появившегося до 1701 г., о принадлежности же ему рукописи можно судить только по самой этой записи

Последний этап восприятия словаря Кнапского в России XVIII в. связан с именем другого воспитанника Киево-Могилянской академии — К. А. Кондратовича. В собрании Библиотеки Академии наук сохранился принадлежавший ранее Российской академии рукописный латинско-русский словарь, на первом листе которого написано «Кнапиев дикционер латино-славенский, переведен Кирияком Кондратовичем, собранный в 1725 и 1726-м годах». ⁴³ В действительности, однако, только этот лист имеет отношение к Кнапскому, так как сам словарь (а это рукопись 1730-х гг.) — копия латинско-славянского словаря Епифания Славинецкого, причем копия довольно неряшливая, с описками. Кто-то вычитал латинскую часть словаря до буквы «С», выправил ошибки и одновременно дополнил во многих местах славянский перевод Епифания Славинецкого русскими соответствиями. Работа по вычитке и редактированию не была закончена; возможно, что проделал ее Кондратович. Неясно, однако, для чего ему понадобилось назвать эту работу переводом словаря Кнапского (если только речь не шла о простой маскировке плагиата). Во всяком случае, Кондратович не упомянул о каком-либо раннем переводе Кнапского в списке своих трудов (в том числе несколько словарей), составленном в 1745 г. ⁴⁴

⁴⁰ Обоснование этой гипотезы см. Николаев С. И. «Лексикографическая» эпитаграмма Феофана Прокоповича // Русская речь 1995 № 5 С 3—5

⁴¹ См. РНБ, Разнояз Q XVI 21

⁴² См. Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского Киев, 1914 С XXIX Поскольку Стефан скончался в 1722 г., это могла быть ранняя редакция словаря Максимовича либо неизвестная нам переработка словаря Кнапского

⁴³ См. БРАН, 17 16 2 В рукописи 723+III л.; на корешке тиснение «Кнапиев дикционер» На л 723 об запись «Petrus Tachtarow fecit»

⁴⁴ См. Пекарский П. Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия // Современник 1858 № 6 С 473—474

В сентябре 1747 г Кондратович представил в канцелярию Академии наук переведенные им «на славенский язык Кнапиев дикционер такоже и Целляриев дикционер, некоторую часть»⁴⁵ По решению канцелярии «Целляриев дикционер» был отдан для рассмотрения М В Ломоносову, а «Кнапиев лексикон» было определено «отдать к рукописным книгам в библиотеку» для сохранения⁴⁶ К сожалению, судьба этой рукописи неизвестна

В 1775 г в типографии Академии наук был напечатан составленный Кондратовичем «Польский общий словарь» — первый печатный польско-русский словарь Польский словник Кондратович взял из польско-латинского тома Кнапского, сократив его, русская часть — плод работы самого составителя⁴⁷ Это было первое, но одновременно и последнее отражение словаря Кнапского в русской печати — более поздних его следов в истории русского словарного дела не обнаружено

Историю восприятия Кнапского в России хочется завершить одним вполне гипотетическим предположением, имеющим отношение к третьему тому словаря, к собранию польских пословиц Этот том словаря был известен в России, хотя и не так широко, как двуязычные тома словаря Известны и изготовленные уже в России небольшие рукописные сборники польских пословиц сборник 1724 г выписок из Кнапского⁴⁸ и основанный преимущественно на Кнапском сборник 1726 г⁴⁹ Вероятно, на сборнике Кнапского основан и сборник 1714 г польских пословиц с латинским переводом из собрания ГИМ⁵⁰ Таким образом, русские книжники были внимательны и к Кнапскому-паремиографу

Конец XVII—первая половина XVIII в — время зарождения русской фольклористики, во всяком случае — вполне научной паремиографии. В это время было составлено несколько сборников русских пословиц, поговорок и просто «крылатых слов» Имена первых собирателей нам неизвестны, затем их собирали И В Паузе, А И Богданов, В Н Тати-

⁴⁵ *Биллярский П С* Материалы для биографии Ломоносова СПб, 1865 С 95

⁴⁶ См *Макеева В Н* Русская лексикография 40—50-х годов XVIII в и Ломоносов // *Ломоносов Сб* статей и материалов М, Л, 1960 Т 4 С 193 См также *Пекарский П* История имп Академии наук в Петербурге СПб, 1873 Т 2 С 372

⁴⁷ См *Обрембская-Яблонская А А* Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича // *ТОДРЛ* М, Л, 1958 Т 14 С 597—604

⁴⁸ См *ИРЛИ, Древлехранилище, колл Перетца, № 219, Łuzny R* *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskieј a literatura polska* Kraków, 1966 S 11

⁴⁹ См *Перетц В Н* Из истории пословицы Историко-литературные заметки и материалы С приложением Сборника польских пословиц по рукописи 1726 г СПб, 1898 С 17—39

⁵⁰ См Описание рукописей собрания Черткова Новосибирск, 1986 С 70 (№ 278)

шев⁵¹ Череду этих сборников открывают «Повести или пословицы всенароднейшая по алфавиту» (1690-е гг.) В предисловии неизвестный нам составитель, в частности, пишет: «... западных стран жители имут мирския сия притчи своим их течтом в типография живописатель бе изследованны, якоже из них некия моима видех очима».⁵² Конечно, составитель мог видеть самые разные сборники, в первую очередь «Adagia» Эразма Роттердамского. Однако самым известным и доступным в России был тогда сборник Кнапского. Возможно, что именно «Adagia» Кнапского служили образцом первому русскому собирателю пословиц. К сожалению, для подкрепления этой догадки положительных данных пока нет. Стоит отметить, что полстолетия спустя, в 1745 г., Кондратович писал в своем отчете: «Собрал все русские пословицы, к которым подвожу латинские точные».⁵³ Конечно, сама идея не очень оригинальна, однако именно так построен труд Кнапского, с которым Кондратович был, безусловно, знаком. Возможно, что исследование пока только намеченной темы истории польских пословиц в русском фразеологическом фонде⁵⁴ заодно сможет осветить и роль сборника Кнапского.

История бытования словарей Григория Кнапского в России в XVII—XVIII вв., возможно, не столь уж богата яркими страницами и событиями. Между тем его лексикографические труды исправно служили нескольким поколениям русских писателей, филологов и просто обучающимся латыни и польскому. Лишь с постепенным угасанием роли образования полонифильской ориентации в культурной жизни России словари Кнапского, уже явно устаревающие, выходят из учебного обихода. А в 1807—1814 гг. был издан знаменитый «Словарь польского языка» С. Б. Линде, и надобность в словаре Кнапского вовсе отпала. Словарь Линде был очень высоко оценен русскими рецензентами, на него заблаговременно подписывались в России, он даже попал в библиотеку А. С. Пушкина.⁵⁵

⁵¹ См. *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор. Сб. статей и материалов. М., Л., 1936. Т. 4—5. С. 300—305. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. М., Л., 1961.

⁵² Цит. по Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и пригот. к печати П. Симони. СПб., 1899. С. 71. Предисловие перепечатано (с целым рядом досадных опечаток) в кн. Древнерусская притча. М., 1991. С. 305—307.

⁵³ *Пекарский П.* Кондратович, русский прозаик и стихотворец. С. 474.

⁵⁴ См. *Петец В. Н.* Из истории пословицы. С. 11, 15.

⁵⁵ См. *Wołoszyński R.* W Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801—1830. Warszawa, 1974. S. 223—228.